

ЗАПРЕТНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

РОМАН

ТАТЬЯНА ЛИВ

 ДОСТУП
ЗАПРЕЩЕН
КРОМЕ ПЕРСОНАЛА

Пятьдесят лучших умов страны.
Закрытый научный центр.
Правило первое: не влюбляйся.
Правило второе: не задавай вопросов.

Аня нарушила оба — и узнала,
что называется "**Запретный эксперимент**".

Татьяна Лив

Запретный эксперимент

<https://litres.ru/73983183>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятьдесят лучших умов страны. Закрытый научный центр в глубине леса. Контракт, после которого жизнь делится на «до» и «после».

Анна, молодой генетик, получает приглашение, о котором мечтает каждый учёный, — работать в легендарном «Велесе». Зарплата, оборудование, признание. Всё, ради чего она двенадцать лет жила одной только работой.

Правило первое: не влюбляйся.

Правило второе: не задавай вопросов.

Её куратор — Алексей Зимин — молчалив, холоден и знает о центре больше, чем говорит. Аня нарушает оба правила.

Сначала исчезают коллеги. Потом — данные. Потом — её собственная вера в то, что «Велес» спасает жизни.

За идеальными стенами скрывается эксперимент, которого не должно существовать. И чем глубже Аня копает, тем яснее понимает: отсюда не увольняются. Отсюда исчезают.

Чтобы выжить, ей придётся довериться единственному человеку, который не должен был её полюбить. И который сам — часть того, что она пытается уничтожить.

Но даже если они выберутся — закончится ли это на самом деле?

Содержание

Глава 1 Звонок

5

Конец ознакомительного фрагмента.

21

Татьяна Лив

Запретный эксперимент

Глава 1 Звонок

ГЛАВА 1. ЗВОНОК

Кран в лаборатории капал каждый день, его ремонтировали, но через пару дней все возвращалось обратно.

Аня знала ритм наизусть — четыре капли в секунду, пауза, потом ещё четыре. Иногда ей казалось, что это морзянка, и, если разгадать, окажется, что вселенная пытается ей что-то сказать. Что-нибудь умное. Например — *уйди отсюда*.

Она сняла очки, потерла глаза пальцами и надела очки обратно, потом подвинула штатив с пробирками и посмотрела на экран. График ползал неспеша и плавно, как улитка, ползущая по своим делам. Реакция шла. Медленно, но шла. Это было хорошо — и одновременно невыносимо. Хорошо, потому что подтверждало её гипотезу. Невыносимо — потому что на нормальном оборудовании она получила бы результат за двадцать минут, а здесь сидела уже четвёртый час.

— Соколова, ты ещё живая?

Аня даже не подняла глаза. Голос Виталика она опознала по запаху — водка, сигареты, плохой одеколон.

— Живая, Виталий Сергеевич.

— А чего сидишь?

— Работаю.

— Работа не волк, работа ворк, в лес не убежит. — Он засмеялся собственной шутке, как смеялся ей последние семь лет. — Пойду, сегодня по пятьдесят. Пятница же.

— Сегодня среда, Виталий Сергеевич, — вздохнула Аня.

— Среда — это маленькая пятница. — Философски заметил Филатов и поднял указательный палец вверх.

Он постоял ещё секунду и вышел. Дверь хлопнула. Аня выдохнула. Все эти избитые шутки она слушала каждый день и знала их наизусть.

В лаборатории снова стало тихо — только капал кран и гудела старая центрифуга, в которой что-то ритмично постукивало, как будто внутри сидел маленький недовольный человечек и стучал молотком.

Она посмотрела на часы. Половина девятого. За окном уже было темно — середина зимы, декабрь, рано темнеет, серый снег лежал под жёлтыми фонарями. Дома ждал ее кот, который, скорее всего, уже опрокинул миску с водой просто из принципа.

Аня сняла очки, потёрла переносицу. Глаза болели. Спина болела. Кресло было старое, продавленное, но новые кресла никто не собирался им покупать, так как не было финансирования. Филатов лишь разводил руками

Зазвонил телефон.

Незнакомый номер. Московский. Аня нахмурилась — она не любила незнакомые номера, она не любила разговоры по телефону, а если быть честной, она, в принципе, не любила разговаривать с людьми. Если бы могла, общалась бы с миром только письменно — по вотсап, телеге или по электронной почте.

— Слушаю.

— Анна Дмитриевна Соколова? — Женский голос. Чёткий, строгий как у учительницы в старших классах.

— Да.

— Меня зовут Татьяна Александровна, я секретарь Виктора Леонидовича Харитонов. Корпорация «ВЕЛЕС».

Аня молчала ровно три секунды. Потом её пальцы разжались, и кружка, которую она держала в руках с остывшим чаем, выпала из ее рук и разбилась об пол.

— Простите? — Переспросила Аня, судорожно пытаясь вытереть чай с пола полотенцем, которое лежало на столе.

— Виктор Леонидович Харитонов хотел бы пригласить вас на собеседование. Оно состоится в пятницу, в три часа дня, в Москве. Билеты на поезд для вас уже забронированы. Расходы на билеты и гостиницу оплачивает наша сторона. Удобно ли вам это время?

В голове Ани щёлкнуло пустотой. Будто кто-то на секунду выключил электричество.

Харитонов. Виктор Леонидович. «Велес».

Эти три слова не должны были звучать в одном предложении.

нии с её фамилией. Это было ошибкой системы — как когда кассир в супермаркете вдруг говорит: «С вас 2000 рублей», а у тебя в пакете молоко, хлеб и зефир для чая.

— Анна Дмитриевна? Алло? Вы слышите меня?

— Слышу.

— Какой будет ваш ответ? Вы сможете приехать? Вам удобно?

— Удобно.

— Прекрасно. Я отправлю вам подробности на электронную почту в течение часа. Пожалуйста, имейте при себе паспорт и копию диплома. До встречи в пятницу.

— До свидания, — сказала Аня в трубку, в которой уже шли короткие гудки.

Она положила телефон на стол. Очень аккуратно — как будто он мог взорваться.

Потом встала, прошлась до окна. Вернулась. Снова прошлась. Посмотрела на телефон. Он лежал и молчал, как нормальный, обычный телефон, который только что не звонил из приёмной самого знаменитого учёного страны.

Аня взяла его в руки. Открыла журнал вызовов. Номер был там. Это не было галлюцинациями. Она не сошла с ума.

Она погуглила номер.

«Велес. Национальный научно-исследовательский центр генетики и биоинженерии. Представительство в Москве».

Аня медленно села на стул.

«Велес» был не местом работы. «Велес» был мифом, меч-

той, легендой, которую студенты-генетики передавали друг другу шёпотом, как старшие братья передают младшим истории о девушках. Туда не подавали заявки. Туда не отправляли резюме. Туда не звонили — оттуда звонили сами, раз или два в год, и обычно тем, кто уже был лауреатом международных премий или работал на постдоке в Стэнфорде.

А не сидел в лаборатории провинциального НИИ с капающим краном.

Аня посмотрела на свои руки. Они дрожали.

Она засмеялась. Сначала тихо, потом громче. Села обратно за стол, посмотрела на график, который продолжал ползти по экрану, и засмеялась ещё громче — пока смех не превратился во что-то другое, не очень похожее на смех.

Кран капал. Центрифуга стучала. Где-то в коридоре Виталик орал в трубку: «Я тебе говорил, Танька, я тебе говорил!» Жизнь шла как всегда.

И в этой жизни ей только что позвонили из «Велеса».

Через два часа она сидела на кухне у Кати, и Катя смотрела на неё так, как смотрят на людей, признавшихся в убийстве.

— Повтори, — сказала Катя.

— Меня пригласили в «Велес». На собеседование.

— В тот самый «Велес»?

— В тот самый.

— На собеседование к Харитонову?

— Да.

Катя медленно поставила бокал на стол. Потом так же медленно его подняла и допила залпом. Потом снова поставила. Налила ещё.

— Знаешь, Анька, я тебя обожаю. Я готова за тебя умереть. Но если ты сейчас врёшь, я тебя задушю своими руками. — сказала она.

— Я не вру.

— Докажи! Показывай телефон.

Аня достала телефон и показала список входящих звонков.

Катя долго смотрела на экран. Потом на Аню. Загуглила номер, а потом сказала:

— Господи.

И заплакала.

— Ты чего? — Аня подняла взгляд на Катю.

— Я не знаю. — Катя смеялась сквозь слёзы. — Я просто... ты заслужила, Анют. Ты так это заслужила.

Аня смотрела на неё и не знала, что чувствовать. Радость? Радость была, но какая-то осторожная, Гордость? Гордости не было — была только чувство ошеломлённости, как будто её ударили подушкой. И ещё — где-то очень глубоко, под рёбрами, — короткое, неуместное беспокойство. Как сквозняк из щели, которую не видно.

— Кать, — сказала она. — А почему я?

— В смысле?

— В смысле — почему я? Я не лауреат премий. Я не работала в Гарварде. Я сижу в НИИ, где центрифуга помнит Советский Союз. Почему он позвонил мне?

Катя пожала плечами:

— Может, прочитал твою статью. Ты сама говорила — её приняли в *Cell*.

— Её приняли две недели назад. Они её ещё даже не опубликовали.

— Значит, прочитал препринт. Учёные так делают. Ты сама так делаешь.

— Да. — Аня покрутила бокал в руках. Вино было дешёвое, кислое, привычное. — Да, наверное.

Катя смотрела на неё долго.

— Соколова. Ты сейчас всерьёз сидишь и ищешь, к чему придраться?

— Нет. Я просто...

— Просто что?

— Просто это слишком хорошо.

Катя вздохнула и положила ладонь поверх её руки.

— Анют. Послушай меня. Ты пашешь как проклятая с университета. Ты в двадцать три года похоронила мать и через неделю вышла на работу, потому что иначе сошла бы с ума. Ты защитила кандидатскую в двадцать шесть лет, работала в две смены, ночью писала. Ты ела один и тот же бутерброд с сыром семь лет подряд, потому что не могла позволить себе нормальную еду. Может быть, — она сжала её ру-

ку, — может быть, мироздание наконец-то отслонявило тебе чек?

Аня улыбнулась — впервые за весь вечер по-настоящему.

— Ты пафосная.

— Я выпившая.

— И это тоже.

Они посидели в тишине. Кот Кати — рыжий, наглый, по имени Брежнев — пришёл, посмотрел на них, нашёл их разговор недостаточно важным и ушёл обратно на диван.

— И что, — спросила Катя, — поедешь?

Аня посмотрела в окно. За окном было 50 оттенков серого — серый двор, и серый снег, и серый фонарь, и серый человек выгуливал серую собаку. Всё было.

— Поеду, — сказала она.

— А если возьмут?

— Не возьмут.

— А если возьмут?

Аня молчала. Ее страх был где — то внизу живота, она боялась ответа — как будто, произнеся его, она могла спугнуть.

— Не возьмут, — повторила она.

Катя посмотрела на неё внимательно, улыбнулась, и ничего не сказала.

Москва встретила её теплой погодой +1 градус и грязной кашей под ногами. Аня шла от Ленинградского вокзала к метро, прижимая сумку к себе, в которой лежал паспорт, ди-

плом, копия диплома, копия копии диплома (на всякий случай) и единственный пиджак, который она не рискнула надевать в поезде, чтобы не испачкать.

В метро она переделалась в вокзальном туалете. Пиджак был тёмно-серый, простой, купленный на защиту диплома. С тех пор она надевала его трижды. Аня посмотрела на себя в мутное зеркало — бледное лицо, тёмные круги под глазами, волосы стянуты в хвост.

Очки она оставила в сумке. В очках она выглядела студенткой. Без очков — преподавателем начальной школы.

— Ладно, — сказала она своему отражению. — Поехали.

Адрес был на Пресне. Стеклопанное высокое здание, бесшумные раздвижные двери, на стойке ресепшен — девушка с белоснежной улыбкой, как будто она актриса из рекламы зубной пасты, такой профессиональной, что хотелось извиниться за свою куртку.

— Здравствуйте. Вы к кому? — вежливо спросила девушка.

— Я на собеседование в «Велес». Меня зовут Анна Дмитриевна Соколова.

— Да все верно, поднимайтесь на двенадцатый этаж. — посмотрев в экран монитора, ответила администратор. — Лифт прямо и налево.

В лифте Аня посмотрела на своё отражение в зеркальной стене. Дышала глубоко. Сердце колотилось так, что казалось — слышно через пиджак.

«Не возьмут», — повторила она себе. — «Просто посмотри, послушай и поезжай домой».

Двери открылись.

И всё пошло не так, как она себе представляла.

Потому что Виктор Леонидович Харитонов встретил её сам. У лифта. Без секретарши, без помощников, без свиты.

Высокий, седой мужчина, в простом тёмном свитере. Она сразу его узнала, он был известным ученым, лицо которого часто мелькало в научных журналах. Подошёл, протянул руку, и улыбнулся. Аня знала такие улыбки по преподавателям из её юности, которые любили свой предмет так, что ты невольно тоже начинал его любить. Тёплая, открытая, располагающая к откровениям, как у священника.

— Анна Дмитриевна. Очень рад. Виктор Леонидович, но для вас просто Виктор.

— Здравствуйте, — сказала Аня и пожала его руку. Рукопожатие было крепкое, спокойное, как у человека, которому нечего и некому доказывать.

— Пойдёмте. Я уже сварил кофе.

Он повёл её по коридору — мимо открытых дверей кабинетов, мимо людей с папками, мимо стен, на которых висели увеличенные фотографии клеток. В кабинете у него было светло, вся мебель была бежевого оттенка, и пахло настоящим кофе — не растворимым, не из автомата, а свежесваренным.

— Садитесь, Анна Дмитриевна. Сахар? Молоко?

— Можно прост Анна. Чёрный, спасибо.

— Аскетка. Уважаю.

Улыбка не сходила с его лица. Он налил ей кофе, сел не за стол, а в кресло рядом, как будто они были не на собеседовании, а она пришла в гости к приятелю. Поставил перед ней чашку. Откинулся в кресле и внимательно посмотрел на нее.

— Я прочитал вашу статью, — сказал он. — Трижды.

Аня молчала.

— Знаете, что меня поразило? Не метод. Метод хороший, но не уникальный — что-то похожее делают в Шанхае, что-то в Базеле. Меня поразило другое.

Он подался вперед.

— У вас в третьем параграфе есть фраза. Одна. О том, что классическая модель CRISPR не учитывает влияние локальной хроматиновой структуры на эффективность редактирования. Это — побочное наблюдение, вы упомянули его вскользь. Но это, Анна Дмитриевна — это сейчас главный вопрос всей нашей области. Над ним работают десятки лабораторий в мире. И большинство из них пишут об этом осторожно, с тысячью оговорок. А вы — одной фразой. Спокойно. Как о свершившемся факте.

Он замолчал. Аня тоже молчала. Она не понимала, что должна сказать на это.

— Почему?

— Что — почему?

— Почему одной фразой? Почему так спокойно?

Аня посмотрела на свою чашку. Кофе был тёмный, ровный, не дрожал. У неё дрожали руки — она их держала под столом.

— Потому что это очевидно, — сказала она.

Харитонов засмеялся. Откинулся в кресле, смеялся искренне, по-настоящему — морщины разбежались от глаз.

— Вот, — сказал он. — Вот это. *«Это очевидно».* Анна Дмитриевна, у нас в «Велесе» пятьдесят человек научного состава. Из них — может быть, пятеро говорят так. *«Это очевидно».* Все остальные — пишут диссертации.

Он встал. Подошёл к окну. Постоял.

— Я не буду тратить свое и ваше время, — сказал он, не оборачиваясь. — Я хочу чтобы вы работали на меня. Вы будете ведущим научным сотрудником. У вас будет свой проект, своя лаборатория, своё оборудование. Зарплата — миллион двести в месяц. Через год — пересмотр в сторону повышения, при положительных результатах.

Аня медленно поставила чашку на стол, иначе она бы её уронила.

— Простите, — сказала она.

Он обернулся.

— Сколько?

— Миллион двести.

— А.

Это всё, что она смогла сказать.

— Я понимаю, — сказал он мягко, — что для вас это нере-

альная сумма. Но мы платим не за часы. Мы платим за мозги. А ваш мозг, Анна Дмитриевна, стоит ровно столько, сколько я говорю.

Он вернулся в кресло.

— Условия. Контракт минимум на три года. Закрытая территория — двести километров от Москвы, в лесу. Полное обеспечение: жильё, питание, спорт, медицина. Ограниченная связь с внешним миром — никаких социальных сетей, никаких рабочих звонков наружу. Личные звонки — раз в неделю, по защищённой линии. Любые перемещения за пределы центра — только после моего разрешения. NDA после окончания срока контракта еще 5 лет.

Он сделал паузу.

— Это много. И я понимаю, что это похоже на тюрьму. Я говорю это честно, потому что не хочу, чтобы вы потом меня в чём-то обвиняли. Это действительно похоже на тюрьму. С одной разницей.

Он наклонился.

— У вас будет всё. Всё оборудование, какое попросите. Любые реагенты. Любые публикации в любых журналах. Любые конференции — вы будете ездить, мы будем оплачивать. Свобода исследования абсолютная. А секретность нужна потому, что когда вы — вы лично, Анна Дмитриевна, — измените мир, все захотят украсть ваш метод. И мы должны быть уверены, что не украдут.

Он замолчал.

Аня сидела и не дышала. В голове было пусто и звонко, как в пустой банке.

— Подумайте, — сказал он. — Не надо отвечать сейчас. У вас есть неделя. Если согласитесь — позвоните, мы пришлём контракт. Если откажетесь — позвоните тоже. Я не обижусь. Серьёзно. У нас нет ни одного человека против воли.

Он улыбнулся.

— Подвезти вас до вокзала? У меня машина внизу.

— Я... дойду. Спасибо.

— Точно?

— Точно.

Он встал. Проводил её до лифта. На прощание пожал руку — так же крепко, так же спокойно.

— Анна Дмитриевна. Я очень надеюсь, что вы согласитесь.

Двери лифта закрылись. Аня осталась в зеркальной коробке одна.

И в этой коробке, которая летела вниз с большой скоростью на первый этаж, она в моменте вдруг отчётливо поняла, что уже решила.

Возможно, она решила это в тот момент, когда он сказал «это очевидно» — и засмеялся. Она решила, возможно, ещё раньше — когда разбила кружку в лаборатории, услышав про собеседование в «Велес». Возможно давно, когда мама сказала ей «живи», и она пообещала, и не очень понимала тогда, как именно живут.

Лифт ехал вниз. В зеркале её отражение улыбалось ей.

В этот момент в кабинете на двенадцатом этаже Виктор Леонидович стоял у окна и смотрел, как маленькая фигурка Ани выходит из стеклянных дверей внизу. Она остановилась на тротуаре, постояла секунду, потом пошла — не к метро, а в другую сторону, медленно, как будто плыла.

Он смотрел до тех пор, пока она не свернула за угол. Улыбки на его лице уже не было.

Потом достал телефон и набрал номер.

— Она только что ушла, — сказал он. — Согласится. От такой работы не отказываются. Готовьте все бумаги.

На том конце что-то ответили. Он помолчал.

— И Зимину сообщите.

Что-то снова ответили.

— Хорошо. Скажите, что я лично хочу с ним поговорить перед тем, как она приедет. И ещё — пусть проверят её комнаты. Там обязательно должны быть цветы. Белые. Она любит белые.

Он отключил телефон.

Постоял ещё минуту у окна. Он смотрел вниз — машины, люди, шум. Никто из них не знал, что маленькая женщина в сером пиджаке, которая только что свернула за угол, через две недели войдёт в дверь, из которой уже не так просто выйти.

Но Виктор Леонидович знал. Он улыбнулся — тёплой, спокойной, улыбкой уверенного в себе человека, который знает цену всему. И знает, кто и за сколько готов продаться. О подошел к столу и сел, готовясь к следующей встрече. Где тоже надо было улыбаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.